

Господин Гуд поднялся на ноги, и несколько охотников, стоявших у двери, инстинктивно расступились, освобождая проход. Мужчина, в точности похожий на статую, не торопясь вошёл внутрь. В тот момент, как он сделал первый шаг, из одного из шкафов в кабинете архиепископа вдруг раздался шум, словно кто-то отчаянно колотил в дверцу изнутри.

Господин Гуд открыл шкаф, и в комнате тут же вспыхнуло ослепительное сияние. Мишель тихо ахнула:

—Посох архиепископа!

Посох, будто привлечённый чем-то, вырвался из шкафа и стремительно взмыл в воздух, точно влетая прямо в руки светловолосого мужчины. Тот на мгновение замер, и на его обычно отстранённом лице вдруг промелькнула тёплая, нежная улыбка. Он мягко провёл пальцами по деревку:

— Рад снова тебя видеть, старина.

Однако он не удержал посох у себя надолго. Повернувшись, он протянул его обеими руками вперёд и передал архиепископу Чарльзу, мягко сказав:

— Но я уже не тот, кто держит этот посох.

Господин Гуд бережно принял его, не сводя взгляда с лица незнакомца. Затем, с подчеркнутым уважением, он спросил:

— Вы... Вы - архиепископ Лео Альдо?

— Я Лео Альдо, — голос мужчины был всё таким же тихим, но каждое слово прозвучало так, что дыхание перехватило у всех, кто его слышал. — Который вы по счёту?

— Шестьсот тридцать четвёртый. Чарльз Арно Гуд, — ответил Гуд. Опустив посох, он положил руку себе на плечо и, с трудом втянув свой круглый живот, совершил древний жест приветствия. — «Тем, кто создал величайшую эпоху - посох вечно хранит их славу». Этот посох в моих руках уже двадцать лет, и за всё это время я ни разу не видел, чтобы он был так взволнован... Итак, великий предок, вы - предупреждение от пророка? Или мираж, оставшийся с тех времён, что канули тысячу лет назад?

Мужчина, назвавшийся Лео Альдо, тихо улыбнулся. Но, словно статуя во дворе храма, даже в улыбке его чертах оставалась какая-то непостижимая, глубинная печаль. Улыбка исчезла так же быстро, как появилась:

— Я лишь призрак, охраняющий «Барьер». Мистер Гуд, пожалуйста, идёмте со мной.

Храм простоял тысячелетия. За это время его не раз частично реставрировали, но касались лишь внешней части, открытой для посетителей. Истинное же сердце храма никто не осмеливался тронуть. Там скрывались сложнейшие магические массивы, оставленные поколениями магов. Многие из них сейчас утеряны, и любое необдуманное вмешательство было бы смертельно опасным.

Чарльз Гуд велел остальным остаться в кабинете, а сам, вместе с Гаэром, Скаллером, которого поддерживал Луи, последовал за неожиданно появившимся светловолосым мужчиной вглубь храма, туда, куда не ступала нога человека много лет. Мужчина точно знал, как активировать и отключить каждую магическую печать, будто это был его собственный дом.

Они прошли по длинному, мрачному коридору, спустились по сотням ступеней глубоко под землю. В тот момент, когда их ноги коснулись пола, каждый ощутил, как нечто невидимое коснулось самой их души, будто звук, которого невозможно услышать, поднялся из самых недр земли.

Гаэр спросил:

— Что это?

— Это ядро Барьера, — не оборачиваясь, ответил архиепископ Альдо. — Оно находится в моей гробнице.

— В вашей... гробнице? — Луи, наконец, пришёл в себя. За весь путь его глаза, как у настоящего историка, явно не могли насытиться увиденным.

— Ядро Барьера находится в моей гробнице. Если спустя годы Барьер ослабеет и начнёт разрушаться, я вновь буду пробуждён из царства смерти, — в голосе Альдо звучала особая, почти чарующая мелодия, будто ветер проносящийся через сердца людей. — Я передал посох своему преемнику. А моя последняя миссия - охранять Барьер.

— Значит... вы живёте здесь уже тысячи лет? — спросил Луи.

— Новый жрец-меченосец? — Мужчина обернулся и взглянул на него, словно что-то вспомнил, и в его взгляде появилась мягкость. — Нет, дитя. Никто не может прожить тысячу лет. Я лишь вложил часть своей жизни и души в Барьер. Моё тело покоилось в вечном сне. Пока Барьер цел, я не пробуждаюсь... Нет звуков, нет ощущений, нет света. По сути, все эти годы я тоже был мёртв.

— Мы пришли, — тихо произнёс он, остановившись.

Мистер Гуд и остальные подняли глаза и увидели перед собой гигантскую арку. Ранее она была надёжно запечатана, но в тот момент, когда светловолосый мужчина остановился перед ней, створки медленно начали расходиться в стороны. Сквозь щель мягко пробивался ярко-

синий свет, словно морская бездна. Каждый почувствовал, как этот свет отзывается дрожью в самой душе.

— Это и есть ядро Барьера.

Величие Барьера заключалось в том, что он для человечества был подобием озонового слоя, хоть люди, живущие под его защитой, уже давно перестали замечать его существование.

Однако Джон, увидев этот мир впервые, был очарован.

Он оказался прекраснее фарфоровой посуды на кухне Гаэра, заманчивее полной коробки шоколадных конфет с разными вкусами в гостиной, притягательнее хрустально прозрачных стёкол, машин, шкафов умеющих охлаждать и нагревать по желанию, крошечных коробочек, через которые можно говорить с людьми за тысячи километров, и светящихся грибов... Всего-всего, вместе взятого.

Все, кого он видел здесь, выглядели счастливыми.

Воздух, как объяснил Эван, нельзя было назвать чистым - всему виной промышленное загрязнение. Но в нём не было запаха крови. Весь этот мир жил и развивался под действием невидимой защитной оболочки... Это было время, о котором они в прошлом даже не смели мечтать.

Принимая во внимание его травмы, Эван не стал брать его на прогулку. Вместо этого он осмотрительно проехал на машине по кругу по горной местности. Джон, как и мечтал, наконец сел в «бегущий хлеб» — так он называл минивэн — и едва устроившись, сразу начал с любопытством трогать всё подряд. Когда машина завелась, он на мгновение застыл, а потом прильнул к окну, с интересом наблюдая, как пейзажи стремительно проносятся мимо.

— Никогда не ездил в такой ровной повозке, — сказал он. — Брат, как ты заставил её бежать?

Прошло всего полдня с тех пор, как Гаэр и остальные ушли, а Эван уже перешёл на церковное имя с этим легендарным «таинственным жрецом» и явно нашёл с ним общий язык. Потому что тот вовсе не был таинственным, он был живой, любознательный, часто выдавал меткие шутки и смеялся от души. Когда он улыбался, его бледное лицо и необычно глубокие глаза становились дружелюбными, почти как у обычного беззаботного студента.

— Смотри: тормоз, газ - нажимаешь на эту штуку, и машина начинает двигаться, — объяснял Эван. — Руль, автоматическая коробка передач, всё просто. Скоро и ты сам научишься.

Джон задумался на пару секунд и серьёзно сказал:

— Думаю, одной моей ноги не хватит, чтобы сдвинуть такую железяку с места.

Эван рассмеялся:

— Ты это серьёзно?

— Что? — Джон распахнул глаза, потом на секунду задержал это выражение лица и сам не удержался от смеха. — Конечно, нет.

— Здорово, — сказал он, откинувшись на пассажирское сиденье. — У вас тут и правда здорово.

Улыбка на лице Эвана понемногу погасла. Эти простые слова Джона напомнили ему о том, как Луи с упрёком говорил о нём — будто бы храм стал набирать даже таких никчемных, как он, исключительно потому, что наступили мирные времена.

Вдруг он тихо спросил:

— Я слышал, как инструктор Мегерт и Гаэр говорили, что ты раньше был жрецом-меченосцем. Это правда?

— Я просто был временно назначен в особый период, — ответил Джон. — Планировал уйти с поста после окончания войны, но кто же знал, что...

— Тогда ты, должно быть, довольно хорош, — голос Эвана прозвучал глухо.

Джон повернул голову и посмотрел на него.

— У меня всегда были плохие оценки, наверное, я самый тупой из всех учеников, — под его ясным, спокойным взглядом Эван смутился. — Инструктор Мегерт заставил меня пересдавать экзамены. Думаю, я единственный охотник в истории Храма, кому пришлось пересдавать экзамен после окончания стажировки.

— Плохие оценки из-за того, что теряешь сознание при виде крови? — спросил Джон.

Эван поджал губы и выглядел совершенно подавленным:

— Это ведь чертовски глупо, да? Если бы не доброта мистера Гуда, меня бы уже давно выгнали.

— Кто такой мистер Гуд?

— Чарльз Гуд, он наш архиепископ.

Джон кивнул, задумался на секунду, потом внезапно сказал:

— Знаешь... на самом деле у многих бывает такая реакция на кровь.

Эван выдавил натянутую улыбку:

— Это ты пытаешься меня утешить, да? Не стоит, спасибо. Многие ещё и гусениц с мышами боятся, но в основном это школьницы, не закончившие даже среднюю школу.

— Когда я был учеником в Храме, у меня был один одноклассник, он поначалу тоже терял сознание при виде крови, — пожал плечами Джон. — А потом стал выдающимся человеком.

Эван остановил машину на перекрёстке, дожидаясь зелёного света, и тихо опустил голову:

— Такого не бывает.

— Я тоже думал, что не бывает, — сказал Джон. — Потому я, честно говоря, его и не любил. Но потом он правда стал великим человеком. Когда я услышал о его смерти... у меня кусок в горло не лез... Эй, а почему мы остановились? О... что это за кругляши в ряд? Один светится красным!

— Это светофор. Когда горит красный, наш поток должен стоять, а пересекающий — ехать. Потом загорится зелёный и наоборот. Чтобы не врезались друг в друга.

Джон присвистнул:

— Вот это идея! Гениально!

— Ага... — Эван, кажется, немного заразился от его искреннего восторга. Через минуту он спросил:

— Неужели мне тоже нужно, чтобы ты меня возненавидел, чтобы стать великим человеком?

— Да брось! — Джон ткнул его кулаком в плечо и оба одновременно рассмеялись

Затем Джон всю оставшуюся дорогу провёл в бесконечном изумлении. Машина уже выехала из предгорного района и въехала в центр города. Они ехали по широкой, чистой дороге, мимо развязок и многоуровневых эстакад. По обе стороны дороги высились здания, такие высокие, что Джону приходилось задирать голову, чтобы их разглядеть. Цветные стёкла отражали солнечный свет, яркие блики мелькали и исчезали. На фасаде универсама висел гигантский рекламный экран, на котором роскошная блондинка рекламировала косметику. Вокруг царил людской гомон..

Молодые женщины в одежде всех цветов радуги изящно проходили мимо, спешащие мужчины разговаривали с кем-то по маленьким коробочкам, похожим на ту, что была у Гаэра. Дети гонялись за продавцами воздушных шаров, и громко плакали, когда матерям приходилось забирать их силой.

В итоге Джон замолчал. Он почти прижался лицом к стеклу, всего было слишком много и

слишком ново, он даже не успевал поворачивать голову, чтобы всё рассмотреть, не говоря уже о том, чтобы задавать вопросы.

Эван припарковался в подземном паркинге под торговым центром, обошёл машину, открыл дверь снаружи и помог своему чрезмерно оживлённому «пациенту» выбраться наружу.

Они вместе поднялись на лифте. Каждый раз, когда лифт поднимался, Джон выглядел немного встревоженным, он явно опасался, что эта маленькая кабина может упасть с огромной высоты.

Затем они вместе пошли покупать одежду. Так как это был не выходной день, в мужском отделе почти не было покупателей, и не пришлось стоять в очереди. Когда они вышли из отдела, Эван предложил Джону посидеть и отдохнуть, пока он сходит в супермаркет, но тот решительно отказался. Этот взрослый ребёнок с гиперактивностью вовсе не собирался спокойно сидеть и ждать.

А в супермаркете Джон впервые испытал радость от того, что можно просто брать с полок разные вещи... конечно, перед выходом всё равно пришлось заплатить.

В конце концов, оба мужчины сели отдохнуть в кафе на первом этаже.

<http://bllate.org/book/14761/1317197>